

Эмиграция души

Русский театр в Эстонии

Проблемой русских театров в бывших республиках СССР никто не занимается, хотя активно идет процесс их разрушения. Недавно в Ашхабаде по распоряжению самого Туркменбаши было снесено здание Русского драматического театра им. А.С.Пушкина, чтобы на его месте разбить сквер. Труппе театра предложено переехать в помещение Дома культуры, принадлежавшего шелкомотальной фабрике имени 8 Марта, что на самом деле означает закрытие Русского театра. Думаю, что в Ашхабаде возмущенную статью по этому поводу председателя СТД А.Калигина в "Новых известиях" тогда никто не прочел. И только после его встречи с Президентом В.Путиным, после которой вопрос о состоянии русских театров в СНГ был взят под президентский и правительственный контроль, из столицы Туркмении последовали звонки с уверениями, что все не так плохо. Между тем русские театры – это те хрупкие соединяющие нити, которые связывают нас с соотечественниками.

В моей беседе с художественным руководителем Государственного русского драматического театра Эстонии Эдуардом Томаном на вопрос: "Сколько времени, на его взгляд, еще просуществует Русский театр в Таллине?" – он ответил: "Лет тридцать". Реальность такова, что, помимо всех других причин, по которым русские театры обречены на умирание, есть главная – уменьшается процент русскоязычного населения, то есть уменьшается число их потенциальных зрителей. Томан полагает, что сейчас надо добиться того, чтобы в русский театр ходила и эстонская публика, а для этого надо обеспечить зрителей переводом текстов на эстонский язык. Но мне кажется, что этого мало, необходимо, чтобы театр оставался носителем русской культуры, чтобы предлагал зрителям уникальное искусство русской театральной школы, а не его суррогат на русском языке. Вот почему таким важным событием стал, может быть, не во всем совершенный спектакль "Иванов" А.П.Чехова – последняя премьера Русского театра в Эстонии, поставленная московской командой: режиссером Николаем Крутиковым, художником Евгением Никаноровым, композитором Филиппом Черновым. Возможно, благодаря Чехову спектакль вызвал интерес в городе, на премьере присутствовали министр культуры Эстонии, критики, артисты. Звучали слова поздравлений,

рассуждения о том, как вписывается спектакль в контекст театральной жизни в Таллине, и т.д. Это был официальный прием, после которого собрались участники спектакля. Я никогда не слышала от артистов такого количества благодарственных слов в адрес режиссера. В афише театра значатся имена достаточно известных российских мастеров, но все говорили о том, что давно так интересно и серьезно не работали. Артисты таллинского театра изголодались по процессу, им надоело входить в готовые спектакли, с которыми приезжают режиссеры. Не секрет, что практика производства копий однажды сделанного спектакля, рассылаемых в разные театры, сейчас очень популярна. Иногда дело доходит даже до того, что режиссер приезжает с видеокассетой, по которой артисты знакомятся со спектаклем, где должны будут играть. Такой спектакль не рождается вместе с артистами, их работу даже вводами не назывешь. И это видно на сцене: спектакль существует как самоценный режиссерско-сценографический замысел, в котором артистов можно легко поменять местами. В спектакле же Николая Крутикова каждая роль сделана именно на того актера, который играет; заменить его нельзя, иначе рухнет весь замысел. А не это ли отличает русскую театральную школу, то, что называется ансамблем?

Сцена наклонена, выглядит покосившимся островком. Преобладающий цвет – желтый, это цвет песка, который везде – в книгах, на столе, на стульях. В глубине – одинокое голое дерево, ближе к авансцене – письменный стол, стулья, кресло, больше на сцене ничего нет. Появляются старуха и девочка, похожие на монашек, обе в черных платках, они распутывают моток ниток, старуха пересыпает из одной руки в другую песок. Герои спектакля стоят в стороне группой и завороченно смотрят на старуху – сыплется песок, уплывает жизнь. Покосившийся островок – это уезд, Богом забытое место, это Россия.

В спектакле Таллинского театра, может быть, впервые я так остро ощутила, насколько Чехов беспощаден в своем диагнозе жизни, которая состоит из пошлых сюжетов. Сколько злой иронии в этом обозначении Иванова – уездный Гамлет. Крутиков, внимательно прочитавший каждое чеховское слово, надевает на Иванова (Эдуард Томан) толстый гамлетовский свитер (цитата из любимовского

спектакля). Свитер душит его, мучительно находится в "шкуре" Гамлета, не будучи им. Иванов Эдуард Томан – человек, который устал оправдывать ожидания окружающих. Он надорвался от несоответствия того, чего ждут от него, тому, что он может. Рыхлый, стареющий человек, ему лень из комнаты выйти, не то что в Америку уехать. Сарра ждет от него любви, той жертвенной любви, которая заставила ее бросить свой дом, родителей, веру. Но его хватило только на один-единственный поступок – жениться, вопреки правилам, на еврейке. Дальше существовать на таком же уровне чувств он не в состоянии. Шурочка, начитавшаяся романов, видит в нем героя, которому она готова служить всю свою жизнь, а Иванову легче уйти из жизни, чем продолжать притворяться героем, каковым он не является. Боркин одолевает его проектами, на песке рисуя ему все выгоды своих грандиозных планов. Но Иванову все это скучно, у него единственное желание, чтобы его оставили в покое. В этом спектакле не среда заела главного героя, а обыкновенная жизнь, в которой нет сил участвовать.

"Что со мной?" – спрашивает Иванов у девушки в платке, которая протягивает ему моток шерсти. Она наматывает ему на руки

свою нить – безмолвная, как судьба, мистическая, как Россия, в которой от одного уезда, где живет Иванов, до другого уезда, где живет другой Иванов, много-много километров.

Русская провинция по Чехову – это целый особый мир, населенный людьми, которые знают, что никогда не станут Шопенгауэрами. Про них спектакль Николая Крутикова, в котором Львов – это повзрослевший Трофимов, Шабельский – Яков, которому уготована судьба Фирса, наконец, Иванов, похожий на Андрея Прозорова.

Львов в исполнении Артема Насыбулина – мальчик, который только что дал клятву Гиппократу. Он верен своему долгу врача, и потому так настойчивы и надоедливы его упреки Иванову. Его обучили тому, что больным чахоткой нельзя волноваться, и он готов сделать все, чтобы эти предписания были исполнены. Болезни Иванова он не понимает, она вне его медицинских познаний, и потому он так суров к нему. Хороша сцена, в которой Лебедев, Шабельский, Боркин выпивают в кабинете у Иванова. Атмосфера тревоги – рядом умирает человек, и все это знают. Они пьют водку, шутят, говорят о том, какая закуска лучше. Но в подтексте все время звучит: там умирает Анна Петров-

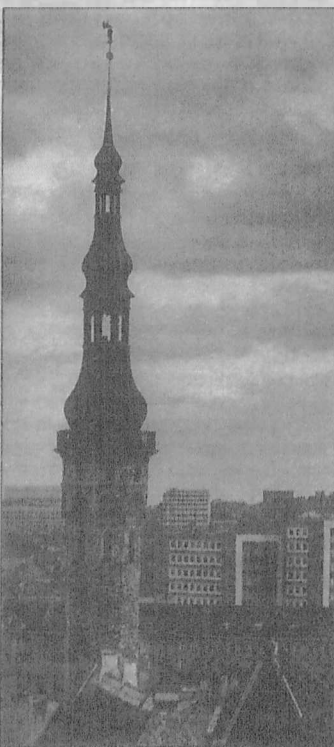
на. Шабельский кричит, что доктор все врёт, не может так просто умереть человек. И в этом крике – страх смерти и несогласие с жизнью, где все так несправедливо устроено. Артист Херардо Контрерав играет замечательно, даже перебирая в красках, сохраняет пронзительную человеческую интонацию. Прекрасная актерская работа и у Сергея Черкасова – Лебедева. Он играет спившегося человека, немного чудачковатого, но с нежной душой. Сколько горькой самоиронии у его героя, за плечами которого Московский университет и либеральные идеалы. Его бесконечно жаль, впрочем, жаль и всех остальных. И глупую Марфушку (Елена Тарасенко), которая хочет графского титула, и Шурочку (Наталья Мурина), девочку, живущую по книжным рецептам, и Боркина с его кипучей бессмысленной деятельностью (Олег Щигорец), и человека-фантома (Юрий Жилин), которого проглотила картонная игра, и жадную Зюзюшку (Екатерина Егорова), суетливую сваху Авдотью Назаровну (Елена Яковлева) – жаль всех этих незначительных людей. Правда, некоторые "лобовые" детали, желание растолковать все свои мысли порой мешают режиссеру, спектакль был бы тоньше, если бы Крутиков так не старался, чтобы его поняли.

... В ослепительно белом платье появляется Сарра (Лариса Саванкова), покоряющая какой-то нездешней, уходящей красотой. Она сдержанна, ее чувства выдают только дрожащие пальцы и звенящий голос. Она пройдет с Ивановым в прощальном танце любви и скроется за сценой.

А в следующей сцене Иванова ждет уже другая женщина в белом платье. Остальные герои со свечами в руках соберутся группой и будут смотреть на мертвого Иванова. Отдельно стоит Шабельский, брошенный всеми, как Фирс. Он зазвонит в колокольчик, объявив, что комедия закончена. Одинокое дерево поднимется вверх, обнажив свои уродливые черные корни.

Эстонский критик прочел в таком финале мысль о том, что русская труппа, оторванная от своих корней, ощущает себя в эмиграции. Думаю, что ни режиссер спектакля Крутиков, ни его художник Никаноров не замыслили такого созвучия. Если и есть мысль об эмиграции, то она об эмиграции души, втиснутой в тесный мирок, но жаждущей вырваться в мир. И все же метафора пришлась русскому театру кстати.

Татьяна НИКОЛЬСКАЯ

Слева: Таллин. Справа: сцена из спектакля